

ОБ ОДНОМ ИНСТИТУТЕ ИНДОЕВРОПЕЙСКОГО ПРАВА. ОПЫТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО КОММЕНТАРИЯ

Последние десятилетия отмечены появлением ряда фундаментальных лингвистических исследований, посвященных реконструкции некоторых существенных компонентов древней индоевропейской культуры, в частности, правовых институтов в их языковом аспекте¹. Почва для этого отчасти была подготовлена многочисленными работами историков права и этнографов, которые не только ввели в оборот большой материал по обычному праву, но и создали необходимые предпосылки для применения лингвистических процедур, в значительной мере осуществив историческую реконструкцию некоторых важных правовых понятий².

Изучение древнего индоевропейского права (или «предправа», если пользоваться терминологией Л. Жерне³), тем не менее, еще очень далеко от завершения во всех возможных своих аспектах — историческом, историко-культурном, этнологическом и тем более языковом. В настоящей ра-

¹ См. важнейшие работы: *Benveniste E. Le vocabulaire des institutions indo-européennes. I. Economie, parenté, société. P.*, 1969; *Watkins C. Studies in the Indo-European Legal Language, Institutions and Mythology.* — In: *Indo-European and Indo-Europeans. Philadelphia, 1970*, p. 321—354; *Puhvel J. (ed.) Myth and Law among the Indo-Europeans. Berkeley etc., 1970.*

² Помимо основополагающих исследований по отдельным традициям (о них см. ниже) укажем недавно изданный обобщающий труд: *Entstehung und Wandel rechtlicher Traditionen. Hrsg. von W. Fikentscher u. a. München, 1980.* Одним из зачинателей в этой области был М. М. Ковалевский (см., например, *Ковалевский М. Первобытное право. Вып. 1. Род. М., 1886*, и другие работы того же автора).

³ См. *Gernet L. Anthropologie de la Grèce antique. III. Droit et prédroit. P., 1968*, p. 173 ff.

боте мы хотели бы привлечь внимание к некоторым лингвистическим вопросам, возникающим в связи с анализом одного из наиболее интересных древних институтов обычного права — к р о в н о й м е с т и.

Ограниченный объем наших заметок не позволяет нам подробно остановиться на описании кровной мести в том виде, как она засвидетельствована для отдельных индоевропейских традиций, и тем более привлечь всю совокупность существующих типологически близких данных неиндоевропейских культур. Взамен мы вынуждены дать лишь краткую сводку материала, что, однако, отчасти оправдывается тем, насколько сходства между отдельными индоевропейскими традициями в данном случае преобладают над различиями.

Кровная месть как феномен обычного права очень широко распространена у индоевропейских народов, хотя — в зависимости от конкретных обстоятельств правового развития той или иной культуры — это явление может представлять как отживающее свой век и даже вступающее в противоречие с другими компонентами или общей структурой права (как, скажем, у хеттов⁴ или у римлян) или, напротив, как один из основополагающих механизмов, обеспечивающих социальную и правовую стабильность, глубоко укоренившихся в правосознании и этических представлениях (как у германцев⁵ или у некоторых иранских народов⁶).

Не подвергая сомнению значение древних индоевропейских свидетельств, подчеркнем, что нередко большей надежностью и информативностью обладают данные о менее удаленных от нас во времени традициях. Так, если говорить об иранском материале, данные осетинской этнографии и тем более осетинского нартовского эпоса (с многочисленными вариациями на тему кровной мести, ср. месть Батраза за смерть отца, месть старшего Тотраза Сослану за убийство сына и т. п.)⁷ значительно показательнее и в историческом, и в языковом плане, чем то, что известно о кровной мести в предшествующую эпоху — у скифов, где мы вынуждены довольствоваться только не слишком надежной реконструкцией, основанной на известном свидетельстве Геродота (IV, 65)⁸. В общем так же обстоит дело и при анализе славянской традиции, в которой южнославянские данные, относящиеся к XIX в.⁹, обширнее и представительнее того, что может быть извлечено из древних памятников (например из «Русской Правды»). Естественно, что только на современные данные мы можем опираться при исследовании кровной мести у албанцев (сохранявших этот институт до самого недавнего времени), поскольку более ранние свидетельства вообще отсутствуют¹⁰.

⁴ См. *Gurney O. R. The Hittites. L., 1952, p. 95 ff.*

⁵ Из основных работ по кровной мести у германцев см.: *Heusler A. Das Strafrecht der Isländersagas. Lpz, 1911; Maurer K. Altisländisches Strafrecht und Gerichtswesen. Lpz, 1910; Planitz H. Deutsche Rechtsgeschichte. 2. Aufl. bearb. von K. A. Erckhardt. Graz — Köln, 1961.* В более общем плане см. *van den Toorn M. G. Ethics and Moral in Icelandic Saga Literature. Assen, 1955.*

⁶ См. *Ковалевский М. М. Современный обычай и древний закон. Обычное право у осетин в историко-сравнительном освещении. Т. I—II. М., 1886.*

⁷ См., например, *Dumézil G. Légendes sur les Nartes suivies de cinq notes mythologiques. P., 1930.*

⁸ См. в частности, *Семенов-Зусер С. А. Родовая организация у скифов Геродота. — Известия Государственной академии истории материальной культуры, 1931, т. 9, вып. 1, с. 31 сл.; Хазанов А. М. Социальная история скифов. М., 1975, с. 102 сл.* В последнее время предположение о том, что в этом отрывке из Геродота отражен институт кровной мести, подвергнуто обстоятельному разбору и заслуженной критике; см. *Грантовский Э. А. О некоторых материалах по общественному строю скифов. «Родственники» и «друзья». — В кн.: Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье (История и культура). М., 1981, с. 59—79.*

⁹ См. *Miklosich F. Die Blutrache bei den Slaven. Wien, 1887.*

¹⁰ Кровная месть у северных албанцев кодифицирована в «Кануне» Леки Дукаджина (*Gjeçov Sht. Kanun i Lekë Dukagjinit. Shkodër, 1932*). Из литературы см.: *Јелић И. М. Крвна освета и умир у Црној Гори и Северној Арбанији. Историјско-правна студија. Београд, 1926; Valentini G. Il diritto della comunità nella tradizione giuridica albanese. Generalità. Firenze, 1956; Traeger P. Die Herkunft des nordalbanischen Ge-*

Ввиду сказанного выше представляется методически вполне допустимым достаточно полно привлекать не только заведомо архаичные данные некоторых древних традиций, но и то, что известно об ареалах, длительное время сохранявших институт кровной мести (как это имело место в Албании и Осетии).

Действие кровной мести, что может считаться более или менее бесспорным, основано на родовой организации, а идеология кровной мести прямо зависит от того, как именно интерпретируется понятие рода, трактуемое прежде всего в духе внутривидовой спайки, солидарности в противовес совершенно иным межродовым отношениям¹¹. С этим, в свою очередь, связано специфическое понимание таких общественно-правовых и этических категорий, как деликт, вина, ответственность, долг и т. п., многие из которых вносят уже в древности в сферу кровнородственных отношений существенный элемент трагического¹².

Во многих индоевропейских традициях при этом проводится строгое содержательное (а часто и терминологическое) разграничение убийства «оправданного» (т. е. не вступающего в противоречие с морально-правовой нормой и реализующего, например, кровную месть) и «неоправданного», «незаконного», ср., например, противопоставление др.исл. *víg* и *morðr*¹³. Если «неоправданное» убийство часто близко к современному представлению об убийстве из-за угла и т. п., то убийство «оправданное» всегда является сознательным исполнением некоторого этического императива, а потому несовместимо с состоянием аффекта и требует обязательной открытости и гласности совершаемого (ср. весьма показательные в этом плане свидетельства «Саги о Ньяле», а также своеобразную ситуацию, возникающую в «Саге о людях из Озерной Долины», когда после смерти Ингимунда его сыновья, готовясь к кровной мести, целую зиму не выходят из дома и соблюдают определенные предписания, налагающие на их поведение ряд существенных запретов¹⁴). В связи с этим находится и то обстоятельство, что кровная месть, как правило, не может последовать за случайным убийством, что видно, например, на материале «Беовульфа»¹⁵: Хадкюн убивает своего младшего брата Херебальда стрелой, сорвавшейся с лука, но их отец Хредель не мстит за убийство, так как причина его случайна.

wohnheitsrechtes des Kanun Lek Dukadžinit.— Zeitschrift für vergleichende Rechtswissenschaft, 1923, Bd. 40, S. 371—376; Десницкая А. В. К изучению языка памятников обычного права.— Вопросы языкознания, 1983, № 4, с. 64—74.

¹¹ Критика этой точки зрения и объяснение кровной мести как индивидуальной, а не родовой звучит неубедительно (ср. *Treston H. J. Poiné. A Study in Ancient Greek Blood Vengeance. L., 1923*). Современную трактовку понятия рода (на греческом материале, с литературой) см. *Bourriot F. Recherches sur la nature du genos. Etude d'histoire sociale athenienne. T. I—II. P., 1976*. О понятии родовой солидарности по данным различных традиций см.: *Glott G. La solidarité de la famille dans le droit criminel en Grèce. P., 1904*; *von Willamowitz-Moellendorff U., Kromayer J., Heisenberg A. Staat und Gesellschaft der Griechen und Römer. Bis zum Ausgang des Mittelalters. Heidelberg, 1926, S. 66*; *Planitz. Op. cit., S. 22—23*; *Ellul J. Histoire des institutions. 2me éd. T. I. P., 1958, passim*; *Периханян А. Г. Общество и право Ирана в парфянский и сасанидский периоды. М., 1983, с. 60* сл.

¹² Применительно к греческому праву и этике см.: *Weiss E. Griechisches Privatrecht. Bd. I. Lpz, 1923*; *Schmidt L. Die Ethik der alten Griechen. Bd. I. B., 1882*. В связи с другими традициями см.: *Gurney. Op. cit., p. 99* (понятие вины у хеттов); *Иванов В. В., Топоров В. Н. О языке древнего славянского права (к анализу нескольких ключевых терминов).— В кн.: Славянское языкознание. VIII Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1978, с. 239* (категория долга). Дальнейшие связи понятий этого круга приводят к необходимости анализировать такие этические категории, как греч. *ἔρις*; см. *Топоров В. Н. О структуре «Царя Эдипа» Софокла.— В кн.: Славянское и балканское языкознание. Карпато-восточнославянские параллели. Структура балканского текста. М., 1977, с. 221* сл. (с литературой).

¹³ См. *Стеблин-Каменский М. И. Мир саги. Л., 1971, с. 84*.

¹⁴ См. *Njalssaga. Halle, 1908*; *Vatnsdælasaga. Halle, 1921, 24*.

¹⁵ См. *Beowulf and Judith. N. Y., 1953, p. 2435—2442*.

Императив, о котором идет речь, было бы ошибочно понимать как «(р-довую) честь»¹⁶ хотя бы потому, что древнее правосознание вообще не располагало подобной категорией: «характерно, что в древнеисландском языке нет сколько-нибудь точного эквивалента современного слова „честь“, но есть множество слов, которые можно с большей или меньшей натяжкой перевести этим словом»¹⁷.

Связь кровной мести с родовой организацией и идеологией выражается и в том, что даже при наличии в той или иной культуре развитой системы судебно-процессуальных норм и институтов, царской власти и т. п. кровная месть существует и реализуется помимо этих институтов, вне судебной системы, а урегулирование отношений между враждующими группами возлагается на старейшин тех самых родов, которые находятся в отношении кровной мести, а не на «незаинтересованных лиц», как этого можно было бы ожидать. Такая практика до недавнего времени наблюдалась у албанцев и осетин.

В этом отношении весьма характерно известное место из клинописной таблицы царя Теленинуса, где говорится: *iš-ha-na-aš-ša ut-tar ki-iš-ša-an ku-iš e-eš-har i-e-iz-zi nu ku-it e-eš-ha-na-aš-pat iš-ha-a-aš te-iz-zi ták-ku te-iz-zi a-ku-wa-ra-aš na-aš a-ku ták-ku te-iz-zi-ma šar-ni-ik-du-ua nu šar-ni-ik-du LUGAL-i-ma-pa li-e ku-it-ki* (4.19—21) — «Дело крови таково: если кто-нибудь кровь проливает, то решает хозяин крови. Если решит: „Пусть он умрет“, — то умрет. Если же решит: „Пусть возместит“, — то возместит. Но царю ничего». Последнюю фразу В. В. Иванов интерпретирует следующим образом: «Но к царю никакого обращения быть не должно», — что хорошо согласуется со сказанным выше¹⁸.

В древнеирландской традиции урегулирование отношений между кровниками возлагалось на особого представителя той группы, к которой принадлежал убийца: этот представитель именовался *aire échta* ‘благородный кровной мести’¹⁹; в древнеисландской традиции действовал тот же механизм — в форме тяжбы на тинге. У албанцев и осетин переговоры между кровниками велись только старейшинами соответствующих родов.

Для кровной мести была характерна определенная временная и пространственная приуроченность. Хотя в разных культурах мы находим, как правило, разные типы ограничений, общая тенденция просматривается достаточно ясно. Хронотопические пределы кровной мести устанавливаются, например, у древних германцев (достаточно красноречивый пример см. выше): кровная месть не должна была незамедлительно настичь убийцу родича — напротив, известная отсрочка воспринималась как нечто желательное. Сходные черты находим и в кельтском праве, где временные ограничения накладываются на период, в течение которого возможно урегулирование вражды. С другой стороны, ограничения могли иметь и пространственный характер, что в определенных условиях делало вполне осмысленным бегство или изгнание потенциальной жертвы кровной мести: например, у хеттов ответственность считалась действительной лишь в пределах фиксированной зоны вокруг данного города или поселения²⁰; сходные явления обнаруживаются и в греческом обычном праве²¹.

¹⁶ Ср. de Vries J. *Altgermanische Religionsgeschichte*. Bd. II. Religion der Nordermanen. В.— Lpz., 1937, S. 90.

¹⁷ *Стеблин-Каменский*. Ук. соч., с. 85 (с литературой вопроса).

¹⁸ См. Луна, упавшая с неба. Древняя литература Малой Азии. М., 1977, с. 100.

¹⁹ См. Crith Gablach. Ed. by D. A. Binchy. Oxf., 1970, p. 70—72. Не вполне ясный древнеирландский текст дает некоторые основания для другого понимания функций *aire échta* (см. Mac Neill E. The Law of Status or Franchise.— Proceedings of the Royal Irish Academy. Section C, 1923, v. 36, p. 281 ff.), при котором этот человек относится к роду убитого, что, однако, никак не влияет на предлагаемую нами точку зрения.

²⁰ См. Gurney. Op. cit., p. 97—98 (с указанием на параллели в древнееврейской традиции: Второзак. XXI, 1 сл.).

²¹ См. Cantarella E. Norma e sanzione in Omero. Contributo alla protostoria del diritto greco. Milano, 1979, p. 224 ff.

Всем индоевропейским культурам, в той или иной форме знающим кровную месть, известна и композиция, позволяющая в каком-то звене прервать то, что в противном случае можно было бы назвать «цепью вендетт»²². Несмотря на то, что композиция выступает во множестве разновидностей, можно, по нашему мнению, предполагать, что наиболее архаичные ее формы выражаются не в денежном откупе (вире), а в компенсации людьми или скотом. Компенсация людьми засвидетельствована уже в хеттских законах: [tāk-ku LÜ-an n|a-aš-ma SAL-an š[u-u]l-l|a-a|n-n|a-a|z ku-iš-ki ku-en-zi [a-pu-un ar-nu-z]i U 4 SAG. DU pa-a-i LÜ-na-ku SAL-na-ku [pār-na-aš-še-e-a] šu-wa-a-iz-zi (1.1—3) — «Если кто убьет мужчину или женщину в ссоре, то похоронит его и даст четырех человек, мужчин или женщин, и свою усадьбу как залог». Замечательно, что компенсация человеком обнаруживается и у осетин (правда, в трансформированном виде, связывающем компенсацию с брачными отношениями): осетинское обычное право предусматривает возможность выдачи замуж за кровного врага девушки, называемой *cyty kyzg* 'девушка чести'. Что касается компенсации скотом, то и она обнаруживается в осетинской традиции в «смещенном» виде — как связь кровной мести с угоном скота, занимающим видное место в осетинском быте XIX в. и в нартовском эпосе (угон скота у нартовской семьи Бората служит мотивом кровной мести). Мы находим компенсацию скотом и в более древних традициях, в частности у кельтов²³.

Обязательное наличие композиции в механизме кровной мести приближает нас к пониманию ключевых категорий этого института, поскольку именно композиция наиболее очевидным образом позволяет интерпретировать кровную месть в рамках представлений об о б м е н е, что уже давно отмечалось в этнологии в связи с анализом принципа реципрокности²⁴. Действительно, кровная месть оказывается тесно соотнесенной с самыми различными формами универсального обмена, как они восстанавливаются сейчас при исследовании духовной и материальной культуры индоевропейцев на фоне многочисленных сопоставлений типологического характера с неиндоевропейскими фактами²⁵. Можно указать при этом на связи кровной мести с жертвоприношением, браком, дарением, некоторыми видами речевого поведения и т. п.²⁶ Существенную общую черту кровной мести и универсального обмена несомненно составляет и отмечавшаяся выше временная и пространственная приуроченность²⁷.

Единые схемы обмена налагаются на обширную предметную область. Для нас в данном случае существенно то, что, по архаичным представлениям, объектом обмена при кровной мести является кровь. Кровь при этом предполагается одинаковой у всех членов рода (чем, собственно, и мотивировано представление о «кровном родстве») и, по-видимому, трактуется не как неотчуждаемая часть конкретного индивида, а скорее как общее достояние всего рода и постоянная его характеристика, отличающая один

²² Ibid., p. 226.

²³ См. Crith Gablach, p. 364 f.

²⁴ См. Malinowski B. Crime and Custom in Savage Society. 2nd ed. Paterson, 1959, p. 22—23, 68 и особенно 46—49; ср. Schott R. Afrikanische Rechtstradition der Balsa in Nord-Ghana. — In: Entstehung und Wandel rechtlicher Traditionen. München, 1980, S. 277 (с литературой вопроса).

²⁵ См., в частности, Benveniste E. Don et échange dans le vocabulaire indo-européen. — In: Problèmes de linguistique générale. P., 1966, p. 315 ff.; idem. Le vocabulaire des institutions indo-européennes. I. Economie, parenté, société. P., 1969; Lévi-Strauss C. Les structures élémentaires de la parenté. Paris — La Haye, 1967.

²⁶ Количество примеров здесь таково, что оно лишает нас возможности подробного обзора. Помимо уже сказанного выше сопьемся на проницательный анализ единоборства Гектора с Аяксом (Il. VII. 299 ff.), за которым следует обмен дарами (Фрейденберг О. М. Из догомеровской семантики. — В кн.: XLV академику Н. Я. Марру. М. — Л., 1935, с. 383 сл.).

²⁷ См., например, Елизаренкова Т. Я., Топоров В. Н. О ведийской загадке типа *brahmodya*. — В кн.: Паремнологические исследования. М., 1984, с. 30—31; Антонова Е. В. Очерки культуры древних земледельцев Передней и Средней Азии. М., 1984, с. 189 сл.

род от другого, как то, что связывает членов рода воедино²⁸. Этому ни в коей мере не противоречит то, что под кровью может пониматься и одна из основных стихий, составляющих индивид²⁹, ср. употребление греч. *αἷμα* в значении 'душа' (Arist., De Anima I, 2, 21) и характерную глоссу *εἶαρ·αἷμα·ἡ ψυχή* (Hes.).

Кровь, таким образом, мыслится как неуничтожимая, вечная во времени и постоянная в определенных пространственных границах субстанция, организующее начало, обеспечивающее целостность и связность родовой общности. Убийство, пролитие крови наносит ущерб этому родовому фонду и должно быть компенсировано за счет аналогичного фонда другого рода, что и приводит в движение всю систему кровной мести и композиции (в последнем случае кровь заменяется своими аналогами).

Сколь скрупулезно соблюдается при этом общий баланс убийств между враждующими родами и сколь малосущественно, чья именно кровь прольется — обидчика или его родича, хорошо видно на примере «саг об исландцах»³⁰ или при обращении к осетинскому материалу, где мы находим такие выражения *esi wæjug avd wæjugemæn se 'nsvær ramardta ma si oj fudæj tog dardta* — «тот великан убил брата у семи великанов и в силу этого был им должен за кровь»³¹, *kæræzijæ dardtoj fæjnæ avd tugy* — «оба рода [Ахсартагката и Бората. — В. О.] задолжали друг другу по семь кровей»³², *čysyl lægy tūg æmæ styr lægy tūg æmarġ* — «кровь маленького человека и кровь большого человека равноценны», *ærvad tūgyl mælag ū* — «родич часто погибает при кровомщении»³³ и под.

Вместе с тем хотелось бы подчеркнуть, что все перечисленные аспекты понимания крови как связующего начала, организующей (жизненной) силы, объекта обмена вводят кровь в круг представлений, связанных с человеческим началом и противопоставленных началу божественному (если такое противопоставление имеется), ср. в этом отношении показательную оппозицию *αἷμα* и *ἰψρ* в II. V. 339 ff.³⁴

Все сказанное указывает на необходимость проанализировать с лингвистической точки зрения две проблемы: как связано такое представление о крови с ее наименованием у индоевропейцев и как это представление преломляется в соответствующих древних текстах. Рассмотрение этих проблем мы начнем с изучения названий крови.

Индоевропейские языки не сохранили общего названия крови: во многих диалектах старый термин был вытеснен (полностью или частично) различными инновациями. Эти инновации в нашем случае представляют вполне самостоятельный интерес, так как в них достаточно отчетливо выразились некоторые особенности индоевропейских воззрений на кровь, частично уже описанные нами по другим, неязыковым источникам. Поэтому, прежде чем обратиться к более архаичной лексике, мы остановимся на некоторых образованиях, связанных уже с историей отдельных индоевропейских языков.

Выше уже было отмечено, что кровь рассматривалась как материальный носитель родовой жизненной силы. В этом плане небезынтересно, например, указать на хетт. *tuwa*, служащее переводным эквивалентом аккад.

²⁸ Такое понимание в целом является общепринятым, ср., например: Planitz. Op. cit., passim.

²⁹ См. Тахо-Годи А. А. О древнегреческом понимании личности на материале термина *σῶμα*. — В кн.: Вопросы классической филологии. III—IV. М., 1971, с. 279.

³⁰ См. особенно: Hrafnkellssaga Freysgoða. Cambr., 1932.

³¹ Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. 3. Л., 1979, с. 310.

³² Дюмезиль Ж. Осетинский эпос и мифология. М., 1976, с. 202.

³³ Исаев М. И. Очерки по фразеологии осетинского языка. Орджоникидзе, 1964, с. 27.

³⁴ См. Güntert H. Von der Sprache der Götter und Geister. Bedeutungsgeschichtliche Untersuchungen zur Homerischen und Eddischen Göttersprache. Halle, 1921, S. 99 f.

bubu'du и эксплицируемое как 'Körpersaft'³⁵ при других его значениях 'сила, жизненная сила, духовное начало (?)'³⁶; производными от этой основы являются хетт. *muwattal(l)i-* 'сильный' (из лувийского?), лув. иер. *muwatali-* 'сильный, могущественный'. Внешние связи этой анатолийской основы также указывают на понятия 'силы, обилия' и т. п.³⁷

Сходные семантические связи обнаруживаются и для германского названия крови **blōd-/*blōp-*, если справедливо предположение о генетическом родстве последнего с герм. **blōm-* 'цветок'. В этом случае и **blōd-/*blōp-*, и **blōm-* (а также **blad-* 'лист') могут рассматриваться как deverбативы от глагола, представленного, например, в д.в.н. *bluojen* 'цвести' и соотносимого с и.-е. **bhlō-* 'цвести, процветать'³⁸.

В конечном счете восходит к и.-е. **teu-* с реконструируемым значением 'пухнуть, расти, увеличиваться' и т. п.³⁹ такое название крови, как осет. *tūg*, предполагающее более раннее **tauka-*⁴⁰. В то время как значение 'силы' хорошо сохранилось у продолжений и.-е. **teu-*, ср. хотя бы др.инд. *tavás* 'крепкий, сильный; сила', лид. *tavša* - 'большой, могучий'⁴¹, другие производные этого корня обнаруживают не менее интересные, с нашей точки зрения, особенности семантической эволюции. Это выражается, в частности, в том, что само осет. *tūg* идентично др.инд. *tokā-* 'ребенок, потомство, род', а в индоиранских производных на **-men* мы находим наряду с др. инд. *tokman-* 'молодой побег, росток', *tokma-* то же (ср. выше о герм. **blōd-*: **blōm-*) также и авест. *taohman-* 'семя, зародыш', др.перс. *taumā* 'семя, род, зародыш', согд. *thmy* 'семя, потомство' и т. п.⁴² Наконец, в самом осетинском представляется бесспорной связь *tūg* с *tyx* 'сила, мощь' и производными последнего⁴³.

Рассмотренная выше группа лексем приобретает особый смысл ввиду предложенной В. Н. Топоровым на основе значительного числа данных гипотезы о связи «между обозначением „нити“, „веревки“, „шнур“, „цепи“, с одной стороны, и обозначением „потомства“, „семени“ и т. п. (как результата процесса рождения), с другой»⁴⁴. В частности, приведенная нами индоиранская лексика сближается в этимологическом плане со слав. **tǫkati*, ср. также др.инд. *tāntu-* 'нить': *tāna-* 'потомство, дети', *yuj-* 'запрягать, сопрягать, связывать': *yugā-* 'род, поколение', а также

³⁵ См. Friedrich J. Hethitisches Wörterbuch. Kurzgefasste kritische Sammlung der Deutungen hethitischer Wörter. Heidelberg, 1952, S. 145 f.

³⁶ См. Friedrich, Op. cit., S. 145; *idem*. Zu den kleinasiatischen Personennamen mit dem Element *muwa-*. — Kleinasiatische Forschungen, 1930, Bd. I, H. 3, S. 377; о лув. *muwa-* см. Rosenkranz B. Beiträge zur Erforschung des Luvischen, Wiesbaden, 1952, S. 23, 77. Особого внимания заслуживает значение лув. *muwa-* 'áme? race?').

³⁷ См. Heubeck A. 'Digamma'. Probleme des mikenischen Dialekts. — Die Sprache, 1963, Bd. 9, S. 201—202; Топоров В. Н. К семантике четверичности (анатолийское **men-* и др.). В кн.: Этимология 1981. М., 1983, с. 113 сл. с различными интерпретациями на индоевропейском фоне. Об основе *muwa-* в ономастике см. Гиндин Л. А. Язык древнейшего населения юга Балканского полуострова. М., 1967, с. 129 сл. (с литературой).

³⁸ См. Pokorny J. Indogermanisches Etymologisches Wörterbuch. Bd. I. Bern — München, 1959, S. 122 (для **bhlō-*, resp. **bhel-* предполагается связь с **bhel(ə)-* 'раздвигаться').

³⁹ См. Pokorny. Op. cit., S. 1080.

⁴⁰ См. Абаев. Ук. соч., с. 310.

⁴¹ См. Gusmani R. Lydisches Wörterbuch. Heidelberg, 1964, S. 211.

⁴² Более подробно см. Mayrhofer M. Kurzgefasstes etymologisches Wörterbuch des Altindischen. Bd. I. Heidelberg, 1956, S. 508, 527. В приведенных примерах привлекает внимание, с одной стороны, наличие значения 'семя' как альтернативной по отношению к крови субстанции, выступающей в качестве постоянного носителя того, чем объединяется род, с другой стороны, — собственно значения типа 'род', 'потомство'. Интересно, что тот же индоевропейский корень может быть обнаружен и в некоторых образованиях со значением 'тело' вроде греч. *σῶμα* или хетт. *twekka-* при том, что для понятий 'кровь' и 'тело' отмечаются существенные взаимосвязи; ср. Тахо-Годи. Ук. соч., *passim*.

⁴³ См. Абаев. Ук. соч., с. 310, 344 сл.

⁴⁴ Топоров В. Н. О двух праславянских терминах из области древнего права в связи с индоевропейскими соответствиями. — В кн.: Структурно-типологические исследования в области грамматики славянских языков. М., 1973, с. 127.

тонкий семанτικο-этимологический анализ слав. **vrubъ*⁴⁵. Наблюдения В. Н. Топорова как нельзя лучше соответствуют тем архаичным представлениям, которые разбирались нами выше. Можно предполагать, что понимание крови как связующего начала может быть выявлено не только по косвенным данным, но и непосредственно, если обратиться к греческому названию крови *αἷμα*.

Ввиду всего сказанного выше представляется целесообразным отказаться от имеющих широкое хождение сопоставлений греч. *αἷμα* с д. в. н. *seim* 'ярый мед' или с др. инд. *iṣ-* 'сок, напиток'⁴⁶, тем более что они рассматриваются как совершенно неудовлетворительные⁴⁷, и предпочесть интерпретацию *αἷμα* как **sai-mn*, производного от и.-е. **se(H)i-* 'соединять, связывать' и относящегося сюда же **s(i)eu-* 'шить'⁴⁸; ср. близкие в словообразовательном плане германские формы: др. исл. *saumr* 'шов', д. в. н. *sout* 'шов, кайма', др. англ. *sēam* то же (герм. **saumaz*). Достоинство особого внимания то, что от того же индоевропейского корня образуются и некоторые обозначения силы, как слав. **sila*, и обозначения разного рода связок, как герм. **sailan*/**sailaz* 'веревка'⁴⁹, что в предложенном выше контексте уже не может вызвать удивления.

Не претендуя на полноту охвата, мы исключаем здесь из рассмотрения некоторые другие, менее интересные названия крови (как, например, и.-е. **krū-*) и обращаемся к термину, который как обозначение крови может, по-видимому, претендовать на весьма значительную древность: хетт. *ešhar*, *išhar*, *eššar*⁵⁰, др. инд. *śsrj*, греч. *ἔαρ*, *εἶαρ* в глоссах также *ἦαρ* (Hes.), арм. *ariwn* (из **asriōn*?), тох. А *ysār*, В *yasar*, латыш. *asins*⁵¹. Возможно, сюда же относится приводимое Фестом др. лат. *ās(s)er*, *assaratum*. То об-

⁴⁵ См. там же, с. 118—133. Предлагаемая там же и основанная на идеях М. Элиаде (см. *Eliade M. Spiritual Thread, Śatrātman, Catena aurea*.— In: Festgabe für H. Lommel. Wiesbaden, 1960, S. 47 ff.) космологическая интерпретация нити, веревки или цепи как элементов, связующих небо и землю, не имеет, как нам представляется, прямого отношения к рассматриваемым здесь семантическим ассоциациям.

⁴⁶ См. Sommer F. *Griechische Lautstudien*. Strassburg, 1905, S. 29.

⁴⁷ См. Chantraine P. *Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Histoire des mots*. T. I—II. P., 1968, p. 34 («ces hypothèses ne s'appuient sur un commencement de démonstration»).

⁴⁸ См. Pokorny. Op. cit., S. 891 f., 912 ff.

⁴⁹ См. Feist S. *Vergleichendes Wörterbuch der gotischen Sprache*. 3. Aufl. Leiden, 1939, S. 294, где предлагается отождествление славянского и германского слов. Непосредственно сюда же прилегают и примеры на семантическое развитие и.-е. **s(i)eu-*, о которых см. Топоров. О двух праславянских терминах..., с. 126 сл.

⁵⁰ Большинство исследователей считает хеттское слово источником греч. *ἔαρ*, см.: Kretschmer P. *Der Name der Lykier und andere Kleinasiatische Völkernamen*.— *Kleinasiatische Forschungen*, 1927, Bd. 1, H. 1, S. 10; Георгиев В. И. Исследования по сравнительно-историческому языкознанию (Родственные отношения индоевропейских языков). М., 1958, с. 43; Heubeck A. *Praegraeca. Sprachliche Untersuchungen zum vorgriechisch-indogermanischen Substrat*. Erlangen, 1961, S. 81; Иванов В. В. Древние культурные и языковые связи южнобалканского, эгейского и малоазийского (анатолийского) ареалов.— В кн.: Балканский лингвистический сборник. М., 1977, с. 32 сл. Прочую литературу, в том числе и более раннюю, см. Tischler J. *Hethitisches etymologisches Glossar. Mit Beitr. von G. Neumann*. Bd. I. Innsbruck, 1983, S. 112 f. Эта точка зрения (о которой резко негативно см. Azenova P. et al. *Bespr.*: Балканский лингвистический сборник.— *Linguistique Balkanique*, 1978, v. 21, № 4, p. 56) может быть принята в настоящее время лишь с той существенной поправкой, что все фонетические особенности данной передачи указывают не на собственно хеттский, а на позднеанатолийский источник, в частности, по той причине, что греч. *χ* (как в некоторых других случаях *κ* и *γ*) отражает не «ларингальный», а его позднеанатолийские продолжения типа кар. *χ* и кар., лик. *k*; с гипотезой о позднеанатолийском источнике неплохо согласуются и другие фонетические особенности *χ*. Применительно к позднеанатолийской фонетике ср. Королев А. А. Хетто-лувийские языки.— В кн.: Языки Азии и Африки. Т. I. Индоевропейские языки. М., 1976, с. 50, 57. О передачах «ларингального» в ономастике см.: Гиндин Л. А. Некоторые ареальные характеристики хеттского. II.— В кн.: *Этимология 1972*. М., 1974, с. 150; *он же*. Древнейшая ономастика Восточных Балкан (Фрако-хетто-лувийские и фрако-малоазийские изоглоссы). София, 1981, с. 41 (с объяснением передач «ларингального» греческими заднеязычными, близким к предложенному выше).

⁵¹ См. Pokorny. Op. cit., S. 343.

стоятельство, что это слово бесспорно относится к гетероклитическому типу на r/n ⁵², уже давно послужило поводом к пониманию лат. *sanguen*, *sanguis* как одного из рефлексов того же слова⁵³, хотя окончательной ясности здесь пока нет. Сохраняются и определенные трудности, связанные с реконструкцией индоевропейского прототипа для этого названия крови. Прежде всего, некоторые исследователи склонны на основе написаний типа *e-eš-har* реконструировать в хеттском исконную долготу⁵⁴, сопоставление которой с формами косвенных падежей и с некоторыми родственными лексемами вне анатолийского материала потребовало бы реконструкции апофонического чередования $*ē : *e$ ⁵⁵, чему, однако, противоречит уже начальное *a-* в др.инд. *ásrj*. В целом значительно более здоровой представляется точка зрения, согласно которой в качестве корневой гласной следует реконструировать краткое $*e$, как думал уже Соссюр, объяснявший отклонения вторичным развитием⁵⁶. В том же направлении указывает, кстати, и греческий материал, в котором ранее за исходную принималась форма $\eta\alpha\rho$, в то время как $\epsilon\alpha\rho$ считалось графическим вариантом, а $\epsilon\alpha\rho$ — более поздним сокращением⁵⁷. В настоящее время принята противоположная точка зрения, приписывающая вторичное происхождение как раз $\eta\alpha\rho$ и $\epsilon\alpha\rho$ или, по крайней мере, объясняющая их метрическим удлинением⁵⁸.

Не меньшие трудности возникают и в связи с тем, что в хеттологии преобладает мнение об исконно этимологическом характере *-h-* в хетт. *ešhar*. Исключение в этом смысле составлял Кронассер, защищавший гипотезу о первичности варианта *ešsar*⁵⁹ (что, видимо, неверно) и считавший, что *-h-* в *ešhar* — неэтимологической природы. Вместе с тем бросается в глаза, что реконструкция номинатива $*ešH$ не только плохо согласуется с данными других индоевропейских языков (ср. окситонезу с род. пад. др.инд. *asnaḥ* в противовес баритонезу в двусложном *āhnaḥ* 'дня'), но и фонологически противоречива. В связи с этим привлекают внимание недавние хеттологические исследования, в которых было убедительно и на большом материале показано, что для значительного числа анатолийских слов, содержащих сочетание *-šh-*, целесообразно предполагать вторичное его развитие, так как этимологически тождественные формы из других индоевропейских языков не дают основания для реконструкции $*-H-$ в индоевропейском (ср., например, хетт. *išhamāi-* 'петь' ~ др.инд. *sāman-* 'песнь' и т. п.)⁶⁰. Эти соображения приводят нас к восстановлению и.е. $*esr$, $*esnos$ без ларингального, что, кстати, позволяет подвергнуть сомнению и сопоставление последнего с картв. $*sisxl$ 'кровь'⁶¹.

⁵² См. Бенвенист Э. Индоевропейское именное словообразование. М., 1955, с. 32.

⁵³ См. де Соссюр Ф. Мемуар о первоначальной системе гласных в индоевропейских языках. — В кн.: Труды по языкознанию. М., 1977, с. 328, 505; несколько иначе — Бенвенист. Ук. соч., с. 53.

⁵⁴ Бенвенист. Ук. соч., с. 32. Показания хеттской графики в данном случае представляются двусмысленными.

⁵⁵ См., например, Stefanini R. Itt. *ešhar* (=sanguē): problemi formali ed etimologici. — Archivio glottologico italiano, 1958, v. 43, fasc. 1, p. 35.

⁵⁶ См. де Соссюр. Ук. соч., с. 505.

⁵⁷ См. Schulze W. Quaestiones epicae. Gütersloh, 1892, p. 165.

⁵⁸ См. Chantraine. Op. cit., p. 308.

⁵⁹ См. Kronasser H. Etymologie der hethitischen Sprache. Lief. 1—2. Wiesbaden, 1962—1963, S. 99.

⁶⁰ Возможно, h в *ešhar* возникло не без влияния (в народно-этимологическом плане) со стороны хетт. *išhaḥ* — 'с в я з ы в а т ь' (ср. Rikov G. On the distinction between Indo-European $*H_2$ and $*H_3$ in Hittite. — Linguistique Balkanique, 1980, v. 23, p. 78). См. далее относительно неэтимологического *-h-*: Jonsson H. The Laryngeal Theory. A Critical Survey. Lund, 1978, p. 69 f., 83, 89; Tischler. Op. cit., S. 375 (s. v. *ešha-*). Иная точка зрения представлена в кн.: Иванов В. В. Общеиндоевропейская, праславянская и анатолийская языковые системы. М., 1965, с. 16.

⁶¹ Ср. Климов Г. А. Этимологический словарь картвельских языков. М., 1964, с. 87; Иллич-Свитыч В. М. Материалы к сравнительному словарю ностратических языков (индоевропейский, алтайский, уральский, дравидский, картвельский, семито-

Опираясь на предложенную выше реконструкцию, мы можем теперь обратиться к поиску более глубоких этимологических связей и.-е. **esr*, не забывая, разумеется, что всякое углубление реконструкции означает вместе с тем и снижение ее надежности.

Рассмотренные нами семантические и этимологические связи различных индоевропейских слов, обозначающих кровь, позволяют, как кажется, сопоставить и.-е. **esr* в этимологическом плане с и.-е. **esu-* в том значении 'жизнь, жизненная сила', которое обнаруживается у этого слова в индоиранской традиции (др.инд. *asu-*, авест. *ahu-*). В реконструкции **esu-* мы следуем при этом за Б. Шлератом⁶², убедительно показавшим несостоятельность альтернативной этимологии др.инд. *asu-*, авест. *ahu-* (из и.-е. **nsu-*)⁶³. Предлагаемое сопоставление основывается не только на отмеченных нами семантических параллелях и внешнем подобии, но и на определенных фактах индоевропейского словообразования, поскольку взаимодействие *r/n-* и *u-* основ (выражающееся, в частности, в расширении *u-* основ посредством *r/n*) в настоящее время уже не вызывает сомнений.⁶⁴ Определенную доказательную силу следует признать и за тем фактом, что и в архаичных текстах индоиранской традиции можно встретить последовательности формульного типа, восходящие к и.-е. **esu-...esr*; ср., например, др.инд. *bhūmyā āsur āsrg ātmā kvā svit* «где земля *asu-*, кровь, само?» (RV 1, 164, 4).

Другие этимологические связи **esr* и **esu-* в общем менее достоверны⁶⁵ и иногда, возможно, имеют народно-этимологический характер (как, скажем, в случае сопоставления с **esu-/*eso-* 'gut, tüchtig')⁶⁵, что, впрочем, не должно мешать нам в оценке того, как эти связи организуют некоторые специфические виды текстов, ср. применительно к **esu-/*eso-* хетт. *iš-ha-na-aš* DUTU-[u]š DIŠKUR-aš DINGIR. LU^{MES} [-i]a qa-a-ša-aš-ma-aš aš-šu-la-aš NINDA. KUR₄. Ra^{IIA} pâr-ši-ia-nu-un nu il-da-la-lu har-ni-ik-te-en nu A-NA BE-LÍ A-NA DAM-ŠU DUMU^{MES}-ŠU a-aš-šu nam-ma e-eš-tlu — «О, Солнечный Бог крови, о, Бог Грозы, и мужские боги, смотрите. Я преломил для вас толстые хлеба благополучия. Вы должны уничтожить зло. Господин, его жена, его сыновья снова должны быть благополучны»⁶⁶, с повторением созвучных словоформ *išanaš*, *aššulaš*, *BE-LÍ* (*-išhaš?*), *aššu* и *eštu* (см. также ниже). Особенно интересным представляется нам то направление этимологических поисков, которое включает в исследуемый здесь круг лексики и.-е. **esu-/*eso-* как обозначение господина, хозяина (ср. хетт. *ešhas*, *išhas*, лат. *erus*, авест. *ahu-*), хотя единства мнений на этот счет нет⁶⁷. По крайней мере, заслуживает обсуждения и вопрос о том, в каком отношении к этим лексемам находятся др. инд. *āsura-*, авест. *ahurō*, сближение с которыми, во всяком случае, оправдано не только словообразовательно, ввиду сказанного выше о расширении *u-* основ

хамитский). — В кн.: Этимология 1965. М., 1967, с. 345 (индоевропейско-картвельская параллель под знаком вопроса).

⁶² См. Schlerath B. Altindisch *asu-*, Awestisch *ahu-* und ähnlich klingende Wörter. — In: Pratidanam. Indian, Iranian and Indo-European Studies Presented to F. B. J. Kuiper. The Hague — Paris, 1968, p. 142—153.

⁶³ Ср. Mayrhofer. Op. cit., S. 65. Несколько иное мнение: Иванов В. В. Разыскания в области анатолийского языкознания. 17—19. — В кн.: Этимология 1978. М., 1980, с. 175 (др. инд. *asu-* ~ хетт. *haššu-* 'царь' < и.-е. **H₂su-*).

⁶⁴ См. Бенвенист. Ук. соч., с. 61 сл.

⁶⁵ См. Иванов В. В. Древнеиндийское *aśram* 'слеза, кровь' и хеттское *ešhaḡru* 'слезы'. — В кн.: Этимологические исследования в честь на акад. Ст. Младенов. София, 1957, с. 477 сл. Заметим, что **esu* имеет вариант **esu* (лув. *wašu-*); ср. в связи с **esu-/*eso-* ('господин'), лув. *wašha* то же, см. ниже.

⁶⁶ Szabó G. Ein Hethitisches Entschlunungsritual für das Königspar Tudhaliya III./II. und Nikalmati. München, 1968, II. 32—34. Сходными примерами изобилует и индоиранская традиция.

⁶⁷ См.: Ernout A., Meillet A. Dictionnaire étymologique de la langue latine. Histoire des mots. 3me éd. T. I. P., 1951, s. v. *erus*; Tischler. Op. cit., S. 375; Schlerath. Op. cit., S. 142 ff.; Pokorny. Op. cit., S. 343.

с помощью *r/n*, но и семантически (ср. хотя бы связь осет. *tūg* с *dauæg* 'дух' < иран. **vi-tāva-ka*)⁶⁸. Сознательно отказываясь здесь от подробного разбора этих проблем, подчеркнем, что признание этимологического тождества названных выше лексем приводит к реконструкции весьма любопытных *figurae etymologicae*, ср. хетт. *ešhanaš išhas* в клинописной таблице царя Телепинуса (см. также подробно ниже)⁶⁹, что, как мы увидим далее, находит соответствие и в некоторых других аргументах, подкрепляющих эти тавтологические последовательности семантически.

Рассмотренные нами инновационные термины для крови показывают, что им, как общее правило, свойственно образование от глаголов (гесп. глагольных корней), обозначающих рост, становление, увеличение в размерах и т. п.⁷⁰, наряду с глаголами, указывающими на соединение, связывание и пр. Вместе с тем, обращаясь к и.-е. **esr*, заманчиво предположить, что и это название крови имеет deverбативный характер и связано с глаголом одного из двух названных типов, тем более что обзор *r/n*-основ убеждает в преобладании среди них отглагольных образований⁷¹.

К этим общим соображениям следует присоединить и те результаты, которые уже достигнуты в индоевропейской этимологии. В частности, следует принять во внимание тот факт, что название 'господина, хозяина' **esu-/eso* относят обычно к гнезду и.-е. **es-* 'быть'⁷². С другой стороны, всесторонний анализ функционирования др. инд. *asu-*, авест. *ahu-* привел Б. Шлерата к аналогичному выводу относительно и.-е. **esu-* 'жизнь, жизненная сила'⁷³. Взятые в совокупности, все эти аргументы как будто указывают на то, что и.-е. **esr*, **esnos* следует возводить к тому же и.-е. **es-* 'быть', что, кстати, находит и существенное дополнительное подтверждение в том, что имеются примеры отражения в древних текстах тавтологических последовательностей типа **es-r...es-* (ср. выше отрывок из хеттского искупительного ритуала) наряду с последовательностями вроде **es-u...es-*, ср. хотя бы авест. *gaētca ājuāitīmca yaḍāca aḥat arētāt aḥkuš* «изобилие и недостаток, и то, каким в конце концов будет *ahu*» (Y. 30, 4).

Наше рассуждение может встретить то существенное возражение, что и.-е. **es-* как раз не относится к категории *verba augescendi* и лежит в сфере чистой экзистенциальности. Это, однако, неверно по существу, на что указывает не только материал внешнего сравнения, ценный сам по себе⁷⁴, но и, что существенно, анализ места и.-е. **es-* в лексико-грамматической системе индоевропейского. В этом смысле чрезвычайно существенно, что для большого числа индоевропейских языков реконструируется супплетивная парадигма глагола бытия, где глаголу первой серии **es-* в определенных ситуациях соответствует типичный *verbum augescendi* **bhū-*⁷⁵. К этому следует добавить, что на основе **es-* свободно и издавна образуются лексемы, связанные с архаическим языком и древним правом,

⁶⁸ Существенные типологические параллели см. Иванов. Разыскания в области анатолойского языкознания..., с. 174 сл.

⁶⁹ Индоиранские параллели см. Schlerath. Op. cit. В методическом плане см. Иванов В. В. Использование для этимологических исследований сочетаний однокоренных слов в поэзии на древних индоевропейских языках. — В кн.: Этимология 1967. М., 1969, с. 40—56 (с литературой вопроса).

⁷⁰ За неимением лучшего эту семантическую группу глаголов можно было бы обозначить как *verba augescendi*, поскольку за другими, более удобными терминами закреплены совершенно иные значения (ср. *inchoativa* и под.).

⁷¹ См. Бенвенист. Ук. соч., с. 29 сл. (глава I).

⁷² См. Pokorny. Op. cit., S. 343.

⁷³ См. Schlerath. Op. cit., passim.

⁷⁴ См. Иллич-Свитыч В. М. Опыт сравнения постатических языков (семитохамитский, картвельский, индоевропейский, уральский, дравидийский, алтайский). Введение. Сравнительный словарь (*b — k*). М., 1971, с. 268 сл., s. v. *esA* 'осесть на место, быть на месте'.

⁷⁵ См. Иванов В. В. Славянский, балтийский и раннебалканский глагол. Индоевропейские истоки. М., 1981, с. 177 сл. (с литературой по отдельным языковым группам).

включая сюда обозначения виновного (невиновного, правого) неправого и т. п. ⁷⁶.

Следует признать, что, будучи вполне удовлетворительной в словообразовательном и семантическом плане, связь с **esr* и **es*- наталкивается на некоторые трудности фонетического характера, поскольку в парадигме **es*- отмечается (как архаическая черта) специфическое чередование, ср. хетт. 3 л. ед. ч. *ešzi* при 3 л. мн. ч. *ašanzi*, др. инд. 3 л. ед. ч. *āsti* при 3 л. мн. ч. *sānti*. Заметим, однако, что сходные колебания в вокализме мы отмечали выше и для **esr*, ср. лат. *sanguen* с нулевой огласовкой и латыш. *asins*, где можно усматривать развитие того же типа, что и в хетт. *ašanzi*.

Исходя из предложенной здесь этимологии, мы можем теперь обратиться к исследованию некоторых древних формульных конструкций, связанных с семантикой крови, жизненной силы ⁷⁷ и кровной мести. Это требует, однако, некоторых комментариев методического характера, поскольку процедурный аспект реконструкции древних формул пока не отвечает всей совокупности требований, которые обычно предъявляются при любых компаративистских операциях. Несомненной слабостью предлагаемых ниже реконструкций является то, что мы не располагаем средствами, чтобы исключить возможность вторичного параллельного развития, тем более что для некоторых из формул могут быть указаны неиндоевропейские аналоги. Естественно, ослабляют реконструкцию формулы и естественные в ряде случаев несовпадения в лексическом выражении тождественных понятий; далеко не всегда может быть гарантирована и достаточная полнота собранного материала. Вместе с тем сказанное не может рассматриваться как основа для нигилистического подхода (хотя скепсис здесь более чем уместен). Мы располагаем, к счастью, некоторыми косвенными свидетельствами, которые способны подтвердить или опровергнуть ту или иную реконструкцию: к таким свидетельствам безусловно относятся образования типа *figura etymologica*.

Именно исходя из этих соображений мы реконструируем в качестве одной из ключевых формул кровной мести и.-е. **esnos esos* 'господин крови', основываясь при этом прежде всего на хетт. *ešhanaš išhaš* (Procl. Tel. 4.19—21) ⁷⁸, с любопытной параллелью в хетт. *iš-ha-na-aš* ^DUTU-[u]š применительно к Солнечному Богу (ср. выше). Та же формула как бы «свернута» в авест. *ahu-* 'господин' при основном значении последнего (иногда неверно трактуемом как омоимия) 'жизнь, жизненная сила' ⁷⁹. В данном случае идея «свертывания» формулы может оказаться продуктивной и в отношении некоторых других лексем типа *ahu-* в тех традициях, где данная формула осталась незасвидетельствованной. Разительную параллель к хетт. *ešhanaš išhaš* мы находим в албанском «Кануне» Леки Дукаджина, где аналогичное по функциям лицо (несущее ответственность за кровную месть) называется *i zot i gjakut* 'господин крови'. Хотя это тождество не распространяется на план выражения, следует, учитывая утрату албанским и старого названия крови, и соответствующего названия господина, считать его одним из основных аргументов в пользу нашей реконструкции. Вместе с формулой на индоевропейский уровень проецируется и соответствующее установление: после убийства право и ответственность кровомщения возлагались на родича (иногда — на ближайшего родственни-

⁷⁶ См.: Порцис В. Членение индоевропейской языковой области. М., 1964, с. 169; Watkins C. Latin sons. — Studies in Historical Linguistics in Honor of G. S. Lane. Chapel Hill, 1967, p. 186—194; ср. еще Иванов, Топоров. Ук. соч.

⁷⁷ Видеть в этом однозначно понимаемом термине виталистическую ересь неправомерно; ср. тем не менее Мурьянов М. Ф. Сила (Понятие и слово). — В кн.: Этимология 1980. М., 1982, с. 52.

⁷⁸ См. Иванов В. В. Хеттский язык. М., 1963, с. 26; Kronasser H. Zu heth. *ešhar iya-* = akkad. *dāmi ep²šu*. — In: Festschrift J. Friedrich. Heidelberg, 1959, S. 273 ff.; Gurney. Op. cit. (функциональное сопоставление с др. евр. *gō'el*).

⁷⁹ Любопытно, что в праве Авесты *ahu-* обозначает (светского) судью. См. Перуханян. Ук. соч., с. 263.

ка) убитого, который и становился господином крови. Ср. в этом плане уже приводившееся выше др.ирл. *aire échita* 'благородный кровной местности'. Не может не обратить на себя внимания сходство описываемой здесь структуры с многочисленными индоевропейскими сложениями, исходящими из идеи власти над чем-либо материальным, ср. хотя бы древнеиндийские *taṭpuruṣa* типа *gōpati* — 'господин коров', *vāsupati* — 'господин имущества' и даже *prajāpati* 'господин потомства'⁸⁰, а также индоевропейское сложение **dems-poti* — 'господин дома' (др.инд. *dāmpati*-, греч. *δεσπότης* и под.)⁸¹.

В ту же группу формульных выражений, так или иначе связанных с кровью как объектом владения и обмена, входит и конструкция 'дать кровь', гесп. 'брать кровь', обнаруживаемая, в частности, в хеттском: в клинописной таблице царя Телепинуса читаем: *ka-rū-u-wa e-eš-har URU Ha-at-tu-ši ma-ak-ki-eš-ta nu-wa-ra-ta-pa* DINGIR. MEŠ-*iš šal-la-i ha-as-sa-an-na-i da-a-ir* (2.48—49) «В городе Хаттусасе крови становилось много. Это боги у царского рода [как возмездие] взяли». При этом последовательность **ešhar dair* может быть понята однозначно как перифрастическое выражение значения 'отомстить'. Полное соответствие этому (в плане содержания) мы находим в иранских языках, ср.: перс. *xūn giriftan*, букв. 'брать кровь' ('мстить'), белудж. *hūnā girag* (то же), осет. *tug īsyn* (то же), *tūg rajsyn*, букв. 'взять кровь' ('отомстить'), *tūgsæg*, букв. 'берущий кровь' ('кровомститель'). В точности та же формула обнаруживается и в обычном праве албанцев: алб. *me marrë gjak*, букв. 'брать кровь' ('мстить'), *marr një gjak të vjetër*, букв. 'брать старую кровь' ('оживлять былую вражду'), *gjakmarrës*, букв. 'берущий кровь' ('убийца, кровомститель')⁸². У албанцев эта формула была калькирована их соседями, южными славянами, ср. с.-хорв. *узети крв* букв. 'взять кровь' ('совершить убийство')⁸³. В более свободном контексте сочетание значений 'брать'/'взять' и 'кровь' наблюдается также и в древнеирландском, ср. *fer sóeras di chrú. fer sóeras di gabail* — «муж, освобождающий от крови, муж, освобождающий от взятия»⁸⁴.

Памятуя о том, какова была судьба **dō-* в анатолийском⁸⁵, мы приходим к предположительной реконструкции **esr... dō-* и **esr... em-*. Ввиду всего сказанного от **esr... dō-* и хетт. *ešhar dair* трудно отделить индоиранские формулы, включающие **esu-* и **dō-*, ср. др. инд. *dātām āsum* 'податель *asu-*' (RV 10, 14, 12) и авест. *ahūm dadat* 'аху-дал' (Y 46, 13). Достаточно близко стоят и индоиранские формулы типа др. инд. *āsum... ā bharāmi* (AV. 8, 2, 1), авест. *ahūm ā baraiti* (P 24).

Интересна также конструкция со значением 'искать кровь', которая обнаруживается в хеттском, ср.: *na-pa DI* [NGIR. MEŠ [I¹P]i-š|e-ni-ya-aš *iš-har ša-an-ḫi-ir* (Procl. Tel. 1.66) — «И тогда боги искали крови Писениса»; *na-pa DINGIR. MEŠ-iš at-ta-aš-ša-aš* ¹*Zi-dan-taš e-eš-har-še-it ša-an-ḫi-ir* (ibid., 1.69—70) — «И тогда боги искали крови его отца Цидантаса» с несомненно фонетически значимым комплексом *išhar šanhir*, на основе которого реконструируется и.-е. **esr... senə-*. Очень близкую конструкцию, предполагающую **esu... senə-*, мы находим в Авесте: *ahmāi mīzdəm hanəntē parāhūm* (Y. 46, 19) — «заслуживает награды, содержащей высшее

⁸⁰ Ср. *Елизаренкова Т. Я.* Грамматика ведийского языка. М., 1982, с. 181.

⁸¹ В широком археологическом контексте о «господах (хозяевах) животных» см. *Антонова.* Ук. соч., с. 97 сл.

⁸² Здесь и далее осетинский и албанский материал почерпнут из кн.: *Абаев.* Ук. соч.; *Leotti A.* Dizionario albanese-italiano. Roma, 1937; *Mann S. E.* An Historical Albanian-English Dictionary. L. etc., 1948.

⁸³ См. Речник српскохрватског књижевног и народног језика. Кн. 10. Београд, 1978, с. 454 (с недвусмысленным указанием на албанскую традицию как источник).

⁸⁴ Ср th Gablach, p. 578—579.

⁸⁵ См. *Benveniste.* Don et échange..., passim, *Friedrich.* Op. cit., S. 201; несколько иначе *Schmalstieg W. R.* A Note on da-ah-ḫi.— *Linguistica*, 1978, Knj. 17, p. 3 f.

ahu-», где также наличествует цементирующий фонетический фактор. Полный же смысловой эквивалент хеттской формулы мы обнаруживаем в осет. *tūgagūr*, букв. 'ищущий крови' ('кровомстителю')⁸⁶.

Отсутствуют серьезные возражения против того, чтобы сходное звучание обеспечило также сохранность формулы 'кровь (и) кость', для которой реконструируется **esr...ost(h)-*⁸⁷. К приводимому В. Н. Топоровым обширному материалу можно было бы присовокупить еще осет. *mæ tūg*, *me 'stæg* 'моя кровь, моя кость'. Заслуживает также пристального внимания наличие в индоиранском любопытного представления об *aṇhuš astvā* 'костном *ahu-*' при более широко известных формулах, включающих кровь и кость⁸⁸.

На этом список возможных формул этого типа отнюдь не обрывается; кратко укажем хотя бы следующие: **es-...esr* 'быть...кровь' (ср. приводившийся выше отрывок из хеттского искупительного ритуала, а также соответствующие индоиранские последовательности⁸⁹, к которым можно прибавить алб. *jam me gjak*, букв. 'быть с кровью' ('находиться в состоянии вендетты'), *janë gjak*, букв. 'они — кровь' ('они состоят в родстве') и т. п.); **senə-...esr* 'род'/ 'родить'... 'кровь' (при греч. αἷμα τε καὶ γένος 'кровь и род' (Od. VIII, 583), αἷματα σύγγονα 'тела братьев' (Eur. Phoen. 1502) и т. п. наряду с индоиранской формулой **gan-...asu-*⁹⁰); **esnos...k^woinā*, *alg^whā* 'цена крови' (ср. греч. ποινή, осет. *tūg arǰ* 'цена крови' и т. п., включая сюда и авест. *mīždəm...parāhūm*, ср. выше). В последнем случае некоторые дополнительные подтверждения мы получаем, обратившись к анализу греч. ἀλφάνω < **alg^wh-* и роли этого термина в обмене матерьяльными объектами⁹¹.

В то время как этимологическая часть настоящей работы до известной степени дает представление о том, на чем могла строиться идеология кровной мести⁹¹, раздел, посвященный формулам, как мы надеемся, достаточно надежно свидетельствует о том, что рассмотренные сегменты текстов вплотную связаны с базисной лексикой обмена⁹². В этом смысле формулы типа 'господин крови', 'брать кровь', 'давать кровь', 'цена крови' составляют элементы парадигм 'господин X', 'брать X' и т. п., где X приобретает самые различные значения из предметной области того, чем — в архаичном сознании — можно было обладать.

Достаточно точное соответствие приведенных нами языковых свидетельств реконструкциям историков и этнографов позволяет надеяться не только на то, что это соответствие может быть теперь подвергнуто более

⁸⁶ О **senə-* в древнеиндийском см. Иванов. Общеиндоевропейская..., с. 61.

⁸⁷ См.: Топоров В. Н. К реконструкции индоевропейского ритуала и ритуально-поэтических формул. — В кн.: ΣΗΜΕΙΩΤΙΚΗ. Тарту, 1969, вып. 4, с. 18; *он же*. К происхождению некоторых поэтических символов (Палеолитическая эпоха). — В кн.: Ранние формы искусства. М., 1972, с. 82 сл. См. еще прим. 93.

⁸⁸ См. Топоров. К реконструкции..., *passim*. Любопытно, что название кости способно выражать идею кровного родства, ср. буруш. — Itin, перш. *ten* 'кость', 'кровный родственник'.

⁸⁹ См. Schlerath. Op. cit.

⁹⁰ Ibid.

⁹¹ От идеологии, разумеется, очень далеки истинные мотивы этого явления, связанные, вероятно, и с социально-экологической обстановкой.

⁹² Близость лексики обмена к правовой уже неоднократно подчеркивалась исследователями; ср. Watkins. Op. cit., *passim*. Ввиду гомеровского гимна к Гермесу с описанием кражи аполлоновых быков заслуживает особого внимания гипотеза о Гермесе/Пушане как «божестве обмена и реципрокности». Относительно Пушана можно заметить, что его имя неоднократно встречается в одном контексте с продолжениями и.-е. **senə-*; ср. *radī pūševa naḥ sanim* «открой, подобно Пушану, нам прибыль» (RV 6, 61, 6), причем *sanī-* (как и частое сочетание авест. *han-* с *mīžda-*) приоткрывает в рассмотренной нами формуле 'искать кровь' все тот же аспект обмена.

компетентному анализу, но и на то, что не замедлят появиться новые данные, говорящие в пользу предложенного выше истолкования кровной мести⁹³.

В. Э. Орел

CONCERNING AN INSTITUTE OF EARLY INDO-EUROPEAN LAW

V. E. Orel

The author discusses historical and linguistic aspects of one of the ancient institutes of Indo-European customary law — blood vengeance. In an environment where notions of exchange were universal, blood vengeance was perceived as an exchange of blood between kinship groups, or clans, blood being regarded as a special substance, a life-force, binding the members of a clan into one whole. These notions are reflected in the lexicon of different Indo-European peoples, where words used for «blood» are connected with concepts of strength, growth and the like and also of uniting and tying together (e.g. Hitt. *muwa-*, Germ. *blod-*, Oset. *tūg*, Gk. *αἷμα*). The author's reconstruction of the earliest Indo-European word for «blood», **esr*, is explained as a derivative of **es-* «be», and is connected with the Indo-European designation of life-force (Skt. *asu-*, Avest. *ahu-*). On the evidence of several Indo-European languages the author restores ancient legal formulas relating to blood and blood vengeance: «master of the blood» (**esnos esos*), «take/give blood», resp. «revenge» (**esr dō-*), «seek blood» (**esr senə-*), etc.

⁹³ Этой теме посвящен раздел в книге: Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. Индо-европейский язык и индоевропейцы. Тбилиси, 1985.

Пользуюсь случаем, чтобы сердечно поблагодарить С. В. Шкунаева за консультацию по кельтскому материалу. Я особенно признателен Т. В. Невской, которая взяла на себя труд прочесть первый вариант данной работы и внесла в нее существенные дополнения и улучшения. Когда настоящая работа была уже завершена, вышел в свет 11-й выпуск «Этимологического словаря славянских языков» (М., 1984), в котором О. Н. Трубачев предложил (s. v. **kostь*) новую этимологию и.-е. **ost-* «кость», рассматривая его как производное от **es-* «быть» и связывая последнее с хетт. *has-* «производить, рождать». К сожалению, мы не могли учесть здесь ни тонкой семантической аргументации О. Н. Трубачева («кость» как «сущее, осуществленное» и «бренное, преходящее», ср. др. инд. *astvant-*), ни его соображений фонетического порядка (отнесение ларингала в хетт. *hastai-* «кость» к явлениям фонетически вторичного порядка).